

Данилова Юлия Юрьевна, Бубекова Лариса Борисовна

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

В контексте современных процессов глобализации вопросы интеграции народов, культур и языков входят в число самых острых и животрепещущих лингвосоциальных проблем. В этом смысле актуальность заявленной темы обусловлена включенностью в проблему языковой политики, межэтнических отношений и этнической самоидентификации носителей той или иной лингвокультуры. Авторы данной статьи предпринимают попытку выявить некоторые особенности самоидентификации языковой личности посредством сбора и анализа лингвокогнитивных ассоциаций представителей двух титульных наций Республики Татарстан, носителей русского и татарского языков. Метод ассоциативного эксперимента позволяет не только обозначить штрихи к ментальному автопортрету русских и татар, но и выявить ряд проблем и вопросов, обусловленных экстралингвистическими факторами, в частности, территориальным общежитием и ежедневными контактами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 69-75. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-272; 811.161.1; 811.512.145

Филологические науки

В контексте современных процессов глобализации вопросы интеграции народов, культур и языков входят в число самых острых и животрепещущих лингвосоциальных проблем. В этом смысле актуальность заявленной темы обусловлена включенностью в проблему языковой политики, межэтнических отношений и этнической самоидентификации носителей той или иной лингвокультуры. Авторы данной статьи предпринимают попытку выявить некоторые особенности самоидентификации языковой личности посредством сбора и анализа лингвокогнитивных ассоциаций представителей двух титульных наций Республики Татарстан, носителей русского и татарского языков. Метод ассоциативного эксперимента позволяет не только обозначить штрихи к ментальному автопортрету русских и татар, но и выявить ряд проблем и вопросов, обусловленных экстралингвистическими факторами, в частности, территориальным общежитием и ежедневными контактами.

Ключевые слова и фразы: самоидентификация культур; этническая идентичность; русская лингвокультура; татарская лингвокультура; менталитет; стереотип; ассоциативно-экспериментальное исследование; слово-стимул; слово-реакция; ассоциации.

Данилова Юлия Юрьевна, к. филол. н. доцент

Бубекова Лариса Борисовна, к. филол. н. доцент

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
danilovaespu@mail.ru; bular@yandex.ru

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН©

Сегодня не вызывает сомнения, что язык по сути своей – лингвокультурологический феномен, впитавший в себя все богатство культуры, в то же время как любая национальная культура в немалой степени связана с характером и спецификой конкретного языка. Начиная с XIX в. и по сей день, проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в языкознании [3; 5; 7-9; 12; 14]. В этом плане особенно значимой нам представляется мысль С. Г. Тер-Минасовой: «Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [13, с. 13]. Справедливо утверждение А. А. Леонтьева о существовании «национальных смыслов» языковых знаков [7]. Очевидно, что если каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры того или иного этноса и тем самым служат средством представления основных установок культуры, этнической и культурной самоидентификации. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей.

В данной работе авторами предпринимается попытка рассмотреть и описать специфические национально-культурные смыслы знаков как фрагменты этнической и культурной самоидентификации носителей русской и татарской лингвокультур, проживающих на территории Республики Татарстан.

Следует отметить, что Татарстан является одной из самых многонациональных территорий Российской Федерации, численность проживающего населения составляют 3 803,2 тыс. человек (2012 г.). По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории республики проживают представители свыше 173 национальностей, в том числе 8 национальностей, численность населения которых превышает 10 тысяч человек: татары, русские, чуваша, удмурты, мордва, марийцы, украинцы и башкиры – народы с разным историческим прошлым и культурными традициями. Среди них по численности населения преобладают татары (более 2 млн человек или 53,2% от общей численности); на втором месте – русские (1,5 млн человек или 39,7%), на третьем – чуваша (116,2 тыс. человек или 3,1%) [16]. Сочетание, по крайней мере, трёх типов культурных взаимовлияний – тюркского (татары, чуваша, башкиры), славяно-русского (русские, украинцы) и финно-угорского (удмурты, мордва, марийцы) – определяет уникальность этих мест, своеобразие культурных и исторических ценностей республики [15].

Регулирование межэтнических отношений – задача как государственных, так и общественных структур. И стратегия национальной политики не должна формироваться в закрытом порядке. Важно, чтобы она появилась в результате широкого общественного обсуждения, как это происходит в Татарстане. Осознавая приоритет этнической идентичности, правительство республики Конституцией РТ (ст. 3) заложило основу выбранному курсу на формирование идентичности граждан Республики Татарстан путем декларации равенства всех национальностей, гарантии реализации этнокультурных потребностей «граждан всех национальностей, составляющих социальную основу Республики Татарстан» [6]. В Татарстане на государственном уровне проводится серьезная языковая политика, о чём свидетельствует принятие ряда законов «Декларации

о государственном суверенитете» в августе 1990 г., Закона «О языках народов Республики Татарстан» в июле 1992 г., государственной Программы по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан 20 июля 1994 г., Концепции языковой политики Республики Татарстан в 1999 г., которые содействуют расширению сфер использования языков и тем самым оказывают целенаправленное воздействие на языковую ситуацию. Отметим, что приоритетность этнокультурного равенства характерна для языковой и социальной политики РФ в целом. На заседании Совета по межнациональным отношениям в Саранске (24 августа 2012 года) В. В. Путин подчеркнул: «По данным переписи 2010 года в России проживает 193 народа и народности, говорящих на 171 языке. В государственной системе образования используется 89 национальных языков, то есть в школах преподаётся 89 национальных языков. Такого уровня защиты этнокультурных прав граждан, я могу смело это сказать, наверно, нет ни в одной европейской стране» [4].

Формирование индивидуальной культуры члена общества, независимо от того, к какой национальности он принадлежит, определяется общественным сознанием. Мировой интеграционный процесс – процесс унификации культур. В России, как известно, это процесс европеизации культур. Естественно, национальные особенности каждой культуры сохраняются, но происходит унификация, прежде всего, речевого, поведенческого и делового этикета.

Рассмотрим более подробно вопрос самоидентификации личности как носителя национального языка и культуры на примере соотношения двух титульных наций Татарстана – русских и татар. В частности, на примере провинциального города Елабуги, численность населения которого составляет в настоящее время около 72 000 человек: основное население представлено русскими (51,7%), чуть меньше татар (42,6%), лишь 1% составляют чуваша, 4,7% – представители других национальностей.

В целях объективного исследования специфики самоидентификации субъекта разных лингвокультур, формируемой посредством разного рода языковых единиц и ментальных представлений в сознании человека, нами был выбран метод свободного ассоциативного эксперимента. В данном случае испытуемому предлагается как можно быстрее отвечать на слова экспериментатора первым пришедшим в голову словом(-ами), словосочетанием и т.д., т.е. не ставится никаких ограничений на словесные реакции.

В рамках настоящего исследования реципиентам в качестве стимулов были предложены лексемы *русский* и *татар* («татарин / татарский») как доминантные лингвокультурные концепты для представителей русской и татарской наций соответственно. Ассоциаты и автостереотипы как средства национальной и этнической самоидентификации, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, могут помочь составить языковой портрет *русского* и *татарина* как субъектов разных лингвокультур и выявить современные на данный момент особенности национального характера, черт, внешних и внутренних личностных качеств и т.д. Значимость проблемы обуславливается тем, что подавляющее большинство реципиентов (независимо от национальной принадлежности) проживает на территории Татарстана. В связи с этим нам любопытным представляется провести сравнительный анализ реакций разных групп респондентов.

Ассоциативно-экспериментальное исследование проводилось среди студентов факультета русской филологии и журналистики и факультета татарской и сопоставительной филологии Елабужского института ФГАОУ ВПО «Казанский федеральный университет» с первого по пятый курсы. На каждом факультете студенты предварительно были разделены на группы. Одну составили студенты русской национальности, другую – татарской. Студентов других национальностей было крайне мало, и они вошли в первую группу студентов, поскольку родным языком (и, следовательно, культурой) для себя посчитали русский, или же не участвовали в эксперименте.

Полученные реакции мы посчитали целесообразным поделить на три группы: первую составили реакции собственно русских респондентов (условное название носителей русского языка и культуры), во вторую вошли реакции собственно татарских респондентов (условное название носителей татарской лингвокультуры), третья представлена реакциями русскоязычных татар (условное название этнических татар, носителей русского языка и татарской культуры). Так, общее число опрошенных составило 209 человек, из них русских респондентов – 99, татар – 110, из которых собственно татар насчитано – 70, а русскоязычных татар – 40. С целью повышения «чистоты» эксперимента в целом и получения наиболее объективной картины, мы принимали во внимание только ассоциации испытуемых первых двух групп. Такая дифференциация позволила выявить особенности самоидентификации представителями титульных наций РТ, т.е. определить и уточнить ту или иную сторону автопортрета: черты национального характера и уклада жизни, менталитет и мировоззрение, жизнедеятельность и трудовую активность, отношение к себе и нации в целом, к своей истории, культуре, традициям и обычаям, искусству и кухне, основные личностные качества, внешние и физические характеристики, психо-эмоциональный тип и т.п., а также (возможное) влияние чуждой культуры на языковое сознание и речевую деятельность реципиента.

В результате свободного эксперимента на слово-стимул *русский* было получено 145 студенческих реакций (3 участника затруднились ответить), на слово-стимул *татар* – 124 (затруднения возникли у 4 респондентов).

На следующем этапе все реакции группировались в зависимости от общности семантики выражаемых когнитивных признаков, что позволило смоделировать содержание и структуру концептов *русский* и *татар* в сознании групп с учетом их национально-культурной принадлежности.

Свободный ассоциативный эксперимент позволил нам исследовать субъективные семантические поля лексем-реакций, формируемых и функционирующих в сознании реципиента, а также характер семантических связей слов внутри семантического поля. В результате нами составлены лексико-семантические поля

(далее – ЛСП) для каждой группы респондентов и выявлены некоторые лингвокогнитивные характеристики национальных концептов «русский» и «татар» («татарин / татарский»).

Полученные реакции респондентов определили специфику ЛСП данных концептов: они представляют собой двухуровневые системы, включающие две когнитивные зоны – ядро поля (наиболее частотные реакции) и его периферию (реакции с меньшей и единичной частотностью).

Так, ядро ЛСП концепта «русский» составили ассоциаты респондентов-русских *язык / речь* (29/1), *человек* (18), *дух / душа* (14/6). Это не случайно и объясняется лингвокогнитивными стереотипами (фразеологизмы, клише, фольклор, т.п.) типа *русский язык* (основная дисциплина в школьном образовании, тем более на филологических факультетах), *русский человек* (антропоцентрическая картина мира: человек как носитель и действующий субъект русской лингвокультуры), *русский дух* (вспомним, например, строчку из программного произведения А.С. Пушкина «Там русский дух... там Русью пахнет!»). Более того, все они являются «константами» русской культуры [11]. Понятно, что данные реакции связаны и взаимообусловлены, однако в рамках данного поля представляют собой ментальные центры, определяющие его смысловую и структурную организацию: так, ЛСП концепта «русский» трехъядерное.

В периферийную зону ЛСП концепта включаются ассоциаты, обусловленные широкими парадигматическими (гипонимией, синонимией, семантической деривацией и т.п.) отношениями с ключевой лексемой *русский*, национально-культурными и историческими коннотациями плана содержания (например, ассоциация *изба* в своем узальном значении «Деревянный крестьянский дом. *Изба-читальня* (культурно-просветительский пункт в деревне до начала 70-х гг.) || *уменьш.* *избушка. Избушка на курьих ножках* (в сказках: домик бабы-яги)» [10, с. 237] содержит дифференциальную сему «крестьянский» и потенциальные / факультативные «до начала 70-х гг.», «баба-яга» как когнитивные отсылки ко времени, пространству, истории, культуре этноса) и разнообразными ментальными стереотипами (например, стереотип о русской щедрости и гостеприимстве обуславливает реакции типа *хлеб-соль, самовар*). В этом смысле целесообразна дифференциация полученных ассоциаций испытуемых на лексико-семантические группы (далее – ЛСГ).

Так, ЛСГ 1 «культура / искусство / письменность» составляют номинации типа *Пушкин* (4), *богатырь*¹ (4), *хлебосольство* (2), *хлеб-соль*² (1), *стол* (2), *изба* (2), *водка* (2), *танец* (2), *песня* (2), *балалайка* (2), *баня*³ (2), *словарь* (2), *литература* (1), *молодец* (1), *вальс* (1), *самовар* (1), *фольклор* (1), *слог* (1), *быт* (1), *Новый год* (1), *любовь* (1), *идея* (1).

ЛСГ 2 «индивид как носитель лингвокультуры» включает ассоциаты *характер* (6), *мужик*⁴ (5), *баба*⁵ (1), *удаль* (1), *доброта* (1), *добродушие* (1), *доброжелательность* (1), *щедрость* (1), *менталитет* (1), *болтун* (1), *красивый* (1), *краса* (1), *коса* (1).

Следующие группы немногочисленны: в ЛСГ 3 «нация, народ» входят такие реакции испытуемых, как *народ* (7), *нация* (1), *девушка* (1), *парень* (3); в ЛСГ 4 «продукты питания, питье» – *хлеб-соль* (1), *водка* (2), *борщ* (1), *блюдо* (1); в ЛСГ 5 «месторасположение / жительство, природа и климат» – *дом* (3), *береза*⁶ (2), *деревня* (1), *просторы* (1), *мороз* (1).

Что касается ЛСП концепта «татарин», то принципы его структурирования и описания те же, что и в предыдущем случае. Интересно, что испытуемые-татары дали реакции как на родном (в их представлении)

¹ **Богатыри** (др.-русс. *богатырь* от др.-тюркск. *bagatur* – «смелый, отважный») – художественные идеализированные образы героев древнейших народных сказаний, складывавшихся в X–XIV вв. Совокупность воинских доблестей составляет одну из главнейших черт русских богатырей: необычайная физическая сила, отвага, опыт в военном деле, глубокий патриотизм.

² **Хлеб-соль** – в русской культуре символ гостеприимства, благополучия, достатка, жизни. Во многих местах России в начале или в конце трапезы съедали по кусочку хлеба с солью – «на счастье». Широко использовали в различных обрядах, в т.ч. свадебных, календарных, связанных с рождением ребенка; в гадании и т.д.

³ Сама лексема **баня** появилась на Руси, по мнению ряда историков, лишь в XI в. Исконно же русские номинации бани – *моль, мыльня, влазня*. Стереотипным считается мнение, что любовь к баням является одной из самых примечательных характерных черт русской природы.

⁴ Лексема **мужик** полисемантическая: 1. Крестьянин, а также вообще человек из простонародья (прост.). *Мужика не день, а год кормит* (посл.). 2. То же, что мужчина (разг.). *Дельный мужик*. 3. То же, что муж (прост.). *Соседка жалеет своего мужика*. 4. Невоспитанный и невежественный человек (разг. пренебр.). *Мужик сиволатый* [Там же, с. 369]. Несмотря на свою стилистическую маркировку (прост., разг., пренебр.), в современном лингвосоциуме данная реакция часто функционирует как результат создания привлекательной модели национальной маскулинности, прежде всего, основанной на представлении о так называемой «подлинной русскости»: как правило, образ «мужика» в сознании русских – гармоничный синтез силы мужчины-защитника, его преданности России, экономической состоятельности мужчины-кормильца. Отсюда выражение «настоящий мужик».

⁵ Лексема **баба** полисемантическая: 1. Крестьянка, а также вообще женщина из простонародья (преимущ. о замужней или вдове) (прост.). *Деревенские девки и бабы*. 2. То же, что женщина (иногда пренебр. или шутол.) (прост.). *Бабы на лавочке судачат*. 3. То же, что жена (прост. и обл.). 4. В сочетании с именем собственным – уважительно о простой пожилой женщине (часто в обращении), а также (прост. и обл.) то же, что бабушка. *Уборщица баба Дуся. Жили-были дед и баба* (сказочный зачин). 5. В детской речи: бабушка (часто в обращении). *Внуки просят к бабе с дедой* [Там же, с. 33]. Однако в современном лингвосоциуме образ женщины на аксиологической шкале коннотирован отрицательно далеко не всегда: например, для концепта «баба» в русской паремииологии можно обнаружить и положительные (находчивость, смелость), и отрицательные (болтливость) стереотипы.

⁶ **Береза** – символ России и царица русского леса: 98,2% наших респондентов на вопрос «С каким деревом для Вас ассоциируется Россия?» дали реакцию «береза».

татарском, так и на русском языках. Более того, именно реакции на русском языке *мечеть* (8), *язык* (6), *человек* (6) в представлении респондентов-татар становятся ключевыми и составляют ядро ЛСП, которое, как и поле концепта «русский», трехъядерное.

В отличие от русских респондентов, татары дали более разнообразные реакции на стимул *татар*, которые были классифицированы на 8 ЛСГ.

Так, самой объемной явилась ЛСГ 1 «индивид как носитель лингвокультуры, его внешний облик и характеристика»: *скромный / тыйнак* (3/1), *терпеливый* (3), *трудолюбивый* (3), *образованный / гыйлемле* (2/1), *акыллы / умный* (2/1), *интеллектуально развитый* (1), *черноволосая девушка / кызлары кара¹ чечле / кара чечле* «черноволосый» (1/1/1), *кара күзле* «черноглазый» (1), *богатый* (2), *гордый* (2), *красивый* (2), *ягымлы* «милый, приятный» (2), *чистоплотный* (2), *чиста* «чистый» (1), *пакълык* «чистота» (1), *пөхтәлек* «опрятность» (1), *уңган* «все может» (2), *көчле* «сильный» (1), *мөләем* «ласковый» (1), *батыр* «великий» (1), *хәйләкәр* «хитрый» (1), *едәле* «воспитанный» (1), *гади кеше* «простой человек» (1), *ир-атлары үзенеке ирешкеле гел* «мужчины всегда добиваются своего» (1), *үзенең максатына иреше торган кеше* «добивающийся своих целей человек» (1), *бераз гына жебегенрек* «немного небрежный, несобранный» (1), *рус кешесенең амбициясене каршы килми* «не может противостоять амбиции русского» (1), *чибәр, саф, чын татар кызы, нехъ екияттегече* «красивая, чистая, настоящая татарская девушка, как в сказке» (1), *мескен* «бедняжка» (1), *үзене күре үзенчәлекле шехес* «по-своему своеобразная личность» (1), *нурлы йөзле «с приятным лицом»* (1), *зур хөрметке лаеклы* «достойный большого уважения» (1), *чиста күңелле кеше* «с чистой душой» (1).

Близкая первой группе по своему содержанию следующая ЛСГ 2, поскольку вбирает в свой состав номинации, определяемые родовыми понятиями «одежда, обувь, аксессуары», дополняющие образ татарина: *кәләпүш²* «каляпуш» (3), *түбетейка³* (2), *белое платье* (2), *читек⁴* «ичиги» (2).

Следующую по частотности ЛСГ 3 «культура, искусство, письменность» составили ассоциации: *Г. Тукай* (2), *М. Джалиль* (2), *Сөембикә⁵* (2), *вакыт⁶* (2), *свадьба* (2), *Шурале⁷* (1), *Су анасы⁸* (1), *татар горөф-гадәтләре* «татарские традиции» (1), *матур телле – үзенең үзенчәлекләре белән* «красивый язык со своими тонкостями» (1).

ЛСГ 4 «религия» включает номинации *религиозный* (3), *ислам* (2), *иман* «вера» (2), *Коръән⁹* «Коран» (2), *дин* «религия» (1).

Немногочисленны по своему составу остальные группы: ЛСГ 5 «нация/народ» составляют *нация* (3), *без булдырабыз¹⁰* «мы можем» (1); ЛСГ 6 «местоположение» – *Татарстан* (3), *Казань* (3), *гаиле* «семья» (1); ЛСГ 7 «продукты питания» – *чак-чак¹¹* (3); ЛСГ 8 «мировосприятие» – *туган җир* «родной край» (2), *үзем-неке, минеке* «мой (-ая, -ое)» (2). На наш взгляд, в своей глубинной семантике, на уровне потенциальных / факультативных сем, смысловые планы обозначенных реакций пересекаются и взаимодействуют, наполняя и дополняя их концептуальное содержание, расширяя сферу их лингвокогнитивного функционирования.

Обобщив все вышесказанное, с целью наглядности представим основные результаты проведенного эксперимента в виде следующей таблицы.

¹ Прилагательное *кара* «черный» у татар становится символом женской привлекательности, красоты, что является ярким примером самоидентификации татар.

² *Кәләпүш* – каляпуш – национальный головной убор в форме усеченного конуса обычно из бархата, расшитый шелковой нитью, золотой или серебряной канителью, с жемчугом или бисером. Каляпуш, с твердым краем и плоским верхом, появился в сер. XIX в. и остается популярным сегодня.

³ *Түбетейка* (тюрк. тобе / тубе – «верхушка горы», «макушка головы») – круглая или квадратная островерхая или плоская, мужская или женская лёгкая шапка, надеваемая прямо на голову.

⁴ *Ичиги* – легкая обувь, имеющая форму сапог, с мягким носком и внутренним жёстким задником; были широко распространены у татар и стали неизменным элементом татарского национального костюма.

⁵ *Сөембикә* (тюрк. *Сөенбике*) – Сююмбике – одна из первых мусульманок-глав государств (Казанского ханства) в истории ислама.

⁶ Можно предположить, что реакция респондентов *вакыт* (время) обусловлена культурно-просветительской составляющей: так называлась газета («Вакыт»), выходившая с 1906 по 1918 гг. в Оренбурге, – самое популярное периодическое издание того времени. Для справки: в Оренбурге в 1916 г. татарское население составляло 16 тысяч человек; издавалось 18 татарских журналов и газет.

Сегодня «Вакыт» – республиканская общественно-политическая газета на татарском языке. Издается с июня 1996 г. и выходит один раз в неделю; ее тираж составляет 900 экземпляров. Она освещает культуру, быт, производственную деятельность татарского населения Чувашской Республики, публикует материалы о Республике Татарстан, татарах диаспоры.

⁷ *Шурале* (тат. шүрәле) – в мифологии казанских татар и башкир (шурали, ярымтык) антропоморфное существо, дух леса, лесной.

⁸ *Су анасы* (букв. тат. «мать воды») – в мифологии казанских, западносибирских татар, татар-мишарей, кумыков (су-ванасы), карачаевцев (суу анасы) антропоморфный дух воды, водяная.

⁹ *Коръән* (от араб. аль-кур'ан – «чтение») – собрание проповедей, молитв, назидательных рассказов и притч – священная книга мусульман: Божественное откровение, переданное Пророку Мухаммеду.

¹⁰ *Без булдырабыз* – «Мы можем!» – одна из известных фраз первого президента Татарстана М. Ш. Шаймиева, который повысил благосостояние республики. Под этим лозунгом проходят концерты и конкурсы, школьники пишут сочинения по теме с таким названием, так называется выходящая в Татарстане общественно-политическая газета, учредителем которой является региональное отделение партии «Единая Россия».

¹¹ *Чак-чак* (тат. чәкчәк) – национальное татарское блюдо – восточная сладость, представляющая собой изделие из теста с медом.

Таблица 1.

**Лексико-семантические поля «русский» и «татар»
по данным свободного ассоциативного эксперимента**

Реакции носителей русской лингвокультуры			Зона ЛСП	Реакции носителей татарской лингвокультуры		
Язык, речь (29/1)	Человек (18)	Дух, душа (14/6)	Ядро	Мечеть (8)	Человек (6)	Язык (6)
Ассоциации		ЛСГ	Периферия	ЛСГ	Ассоциации	
<i>Пушкин, богатырь, хлебосољство, хлеб-соль, стол, изба, водка, танец, песня, балалайка, баня, словарь, фольклор, слог, литература, идея, молодец, вальс, самовар, быт, Новый год, любовь</i>		Культура, искусство, письменность		Культура, искусство, письменность	<i>Г. Тукай, М. Джалиль, Сөембикә, вакыт, свадьба, Шурале, Су анасы, татар горөф-гадәтләре, матур телле – үзенең үзенчәлекләре белән</i>	
<i>Мужик, баба</i>		Индивид как носитель русской лингвокультуры		Индивид как носитель татарской лингвокультуры	<i>Трудолюбивый, образованный / гыйлемле, умный / акыллы, хәйлекчәр интеллектуально развитый</i>	
<i>Удаль, доброта, добродушие, щедрость, болтун, красивый, краса</i>					<i>Скромный / тыйнак, ягымлы, терпеливый, богатый, чиста / чистоплотный / пакълык, пөхтәлек, едәлле, гади кеше, мөлкәем, гордый, үзене күрә үзенчәлекле ичәсес, чиста күңелле кеше, зур хөрмәткә лаеклы</i>	
<i>Коса</i>					<i>Черноволосая девушка / кызлары кара чәчле / кара чәчле; кара күзле; красивый; нурлы йөзле; чибәр, саф, чын татар кызы, некъ әкияттегече</i>	
<i>Характер, менталитет</i>					<i>Көчле, уңган, баты; ир-атлары үзенең ирешеләге; үзенең максатына ирешә торган кеше</i> <i>Мескен; берәз гына әбебегәнрәк; рус кешесенең амбициясенең каршы килми</i>	
Нет подобных реакций				Одежда, обувь, аксессуары	<i>Кәләүши, тубетейка, белое платье, читек</i>	
<i>Народ, нация</i>		Нация, народ		Нация, народ	<i>Нация, без булдырабыз</i>	
<i>Девушка, парень</i>				Продукты питания, питье	<i>Чак-чак</i>	
<i>Хлеб-соль, водка, борщ, блюдо</i>		Месторасположение, местожительство, природа и климат		Месторасположение, местожительство	<i>Татарстан, казань, гаилә</i>	
Нет подобных реакций				Религия	<i>Религиозный, ислам, иман, коръән, дин</i>	
Нет подобных реакций				Мировосприятие	<i>Үземнеке, минеке, туган жир</i>	

В результате специального комплексного исследования обозначенной проблемы, мы пришли к некоторым умозаключениям.

Вопрос о языковой ситуации в Татарстане в условиях экономического развития провинциальных городов, в частности г. Елабуге [2], приобретает особую значимость в связи с индустриализацией. Титульные нации республики в процессе экономического развития испытывают взаимовлияние других лингвокультур в связи с большим притоком иностранных граждан как из Европы, так и из стран ближнего зарубежья. Все это происходит в контексте общей европеизации культуры в России.

Актуален в этой связи и вопрос о самоидентификации представителей коренного населения Татарстана. Проведение ассоциативно-экспериментального исследования в русской и татарской аудиториях позволило нам выявить некоторые специфические и типологические характеристики их лингвокультурной самоидентичности.

Казалось бы, функциональная нагрузка русского и татарского языков на территории РТ одинакова: они являются государственными и обслуживают две титульные нации. Естественно, что экстралингвистические факторы (территориальные границы, соседство, браки, образовательные учреждения, трудовые коллективы и т.п.) обуславливают тесное их взаимодействие и взаимовлияние и, как следствие, тесные языковые контакты. Однако стоит признать, что русский язык доминирует на территории республики. Подтверждением является хотя бы тот факт, что среди респондентов, признающих себя татарами, носителями татарской лингвокультуры, много реакций на русском языке. И это отнюдь, как показывают сами реакции, не безэквивалентная лексика: *скромный / тыйнак* (3 реакции к 1), *образованный / гыйлемле* (2 реакции к 1), *черноволосая девушка / кызлары кара чечле* (1 реакция к 1) и т.п. Не говоря уже о том, что самые частотные реакции *мечеть, человек, язык*, составляющие ядро ЛСП концепта «татар», представлены исключительно номинациями на русском языке, хотя данные понятия имеют татарские наименования – *мечет, кеше, теле* соответственно. Это, на наш взгляд, обусловлено тем, что, несмотря на одинаковый статус государственных языков РТ, функциональная нагрузка русского в разы превосходит области применения (и социально-экономическую, и бытовую) татарского языка [1]. Такое положение дел в республике провоцирует и другие проблемы, например то, что количество желающих получать образование на татарском языке значительно сократилось, несмотря на принятие в 1994 году и дальнейшую реализацию государственной Программы по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан.

В обеих группах респондентов наибольшее количество реакций относятся к ЛСП «индивид как носитель лингвокультуры» и «культура / искусство / письменность», что вполне логично и объясняется попыткой маркировки своей этнокультурной составляющей и национальной принадлежности.

Однако в содержании и объеме реакций испытуемых наблюдаются существенные различия.

Так, у русских вообще нет реакций религиозного содержания, у татар – это ключевые, частотные понятия (*религиозный, ислам, иман, Коръен, дин*), этим объясняется вхождение в ядро ЛСП концепта «татар» лексемы *мечеть*.

У русских ассоциация *дух / душа* составляет ядро поля концепта «русский», тогда как у татар она встречается только 1 раз в сочетании *чиста кунелле кеше* («человек с чистой душой»).

Автопортрет татар более детализированный: даются реакции, репрезентирующие внешние признаки, характерные черты речемыслительной и поведенческой деятельности. Собрав воедино все «штрихи», можно сконструировать целостный образ татарина / татарки как типичного представителя татарской нации в целом: черноглазый(-ая), черноволосый, красивый, умный, образованный, воспитанный, трудолюбивый, терпеливый, целеустремленный, в национальной одежде белого цвета, с тюбетейкой или каляпушем на голове и в ичигах на ногах. Ассоциаты русских в этом плане беднее и не позволяют объективировать полноценный образ субъекта русской нации, он более абстрактный: красивый, добрый, гостеприимный, щедрый, удалой; у женщин длинные волосы, заплетенные в косу.

Отметим, что самоидентификация русских и татар себя как субъектов родной (русской и татарской соответственно) лингвокультуры в целом положительная (за исключением редких реакций: у русских – это *водка, болтун*; у татар – *бераз гына жебегенрек* «немного небрежный, несобранный, мягкотелый», *рус кешесенең амбициясене каршы килми* «не может противостоять амбиции русского», *мескен* «бедняжка»).

В то же время самопозиционирование своих лучших качеств, национального достоинства и достояния у татар более выпуклое, чем у русских. Это, на наш взгляд, подтверждение приоритетности у татар национальной идеи: неповторимость, значимость, самобытность культуры, национально-этнических традиций, вера в себя, в свой народ, в свое светлое будущее (реакции типа *уңган* «все может», *без булдырабыз* «мы можем»). У русских подобного рода реакций нет, нет явных духовно-культурных и религиозных приоритетов, нет ярко выраженного почитания своей истории, традиций, языка как национального достояния. Надо признать, что русский язык мыслится вообще как нечто само собой разумеющееся, что неминуемо ведет к его обесцениванию, повсеместному спаду уровня культуры речи и поведения в современном лингвосоциуме. Одной из главных причин можно назвать инфантильность русской нации.

Таким образом, в менталитете любого этноса присутствует сложная система национальных стереотипов. Они, как правило, имеют психологическую базу: установка на восприятие народа таким образом, чтобы это вписывалось в предшествующий опыт, т.е. опора на экстралингвистические фоновые знания. В результате в массовом сознании (конвенциональная картина мира) носителей той или иной лингвокультуры самоидентификация и отношения с другим этносом воспринимаются и обуславливаются сквозь призму прошлого, традиций, культуры.

Список литературы

1. Бубекова Л. Б. К проблеме взаимодействия татарского и русского языков в межэтническом сообществе Татарстана // IX Себельниковские чтения. Полиязычие: Современное состояние и перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т. Павлодар: Изд-во ПГПИ, 2011. Т. 1. С. 106-108.
2. Бубекова Л. Б., Данилова Ю. Ю. К вопросу о языковой ситуации в Татарстане и о самоидентификации представителей разных лингвокультур в условиях экономического развития провинциальных городов // Русский язык сегодня: между иностранным и родным. Серия: Новое в изучении и преподавании русского языка и литературы. Берлин, 2014. Кн. 3. / ред.: С. Афонин, Е. Плаксина. С. 32-46.

3. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа / пер. с нем. О. А. Гулыга // Гумбольдт В. фон. Язык и Философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 370-381.
4. Заседание Совета по межнациональным отношениям (от 24 августа 2012 г.) [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46144> (дата обращения: 08.09.2014).
5. Кононенко М. В., Галеева Г. И. Язык как неотъемлемая часть духовной культуры человека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41). Ч. 1. С. 108-111.
6. Конституция Республики Татарстан (Текущая редакция по состоянию на 10 июня 1996 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_54135.html (дата обращения: 17.10.2014).
7. Леонтьев А. А. Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. 351 с.
8. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129-132.
9. Николаева О. В. Интер-когнитивные взаимодействия в межкультурной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41). Ч. 2. С. 132-136.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.
11. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
12. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Изд-во ИЯ РАН, 1996. С. 7-22.
13. Тер-Минасова С. Г. Языки и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Слово, 2000. 262 с.
14. Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
15. <http://tatarstan.ru/about/human.htm> (дата обращения: 17.12.2015).
16. <http://tatarstan.ru/about/population.htm> (дата обращения: 17.12.2015).

SELF-IDENTIFICATION OF THE BEARERS OF RUSSIAN AND TATAR LINGUO-CULTURES IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Danilova Yuliya Yur'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bubekova Larisa Borisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Elabuga Institute (Branch) of the Kazan (Volga region) Federal University
danilovaespu@mail.ru; bular@yandex.ru

In the context of the modern processes of globalization the problems of integration of nations, cultures and languages are among the most acute and burning linguo-social problems. In this aspect the topicality of the declared subject is conditioned by the inclusion of the bearers of a certain linguo-culture into the problem of language policy, interethnic relations and ethnic self-identification. The authors of the article aim to identify certain peculiarities of self-identification of a linguistic personality by gathering and analyzing linguo-cognitive associations of the representatives of the two titular ethnic groups of the Republic of Tatarstan, bearers of Russian and Tatar languages. Method of associative experiment allows not only drawing the mental self-portrait of the Russians and Tatars but also identifying certain problems and issues conditioned by extra-linguistic factors, in particular, territorial community and everyday contacts.

Key words and phrases: self-identification of cultures; ethnic identity; Russian linguo-culture; Tatar linguo-culture; mentality; stereotype; associative-experimental research; stimulus word; word-response; associations.

УДК 81'23

Филологические науки

В статье рассматриваются аутентичные деловые письма с точки зрения их оформления. В основе всех модификаций лежит наиболее распространенный формат – цельноблочный. Использование того или иного формата делового письма в определенной мере зависит от следующих факторов: от личных предпочтений автора письма, от компании, в которой он работает, и от его национальной принадлежности.

Ключевые слова и фразы: официально-деловой стиль; деловое письмо; цельноблочный формат; модификации; модифицированный блочный формат; отступной блочный формат; упрощенный блочный формат.

Дарбишева Хадижат Асхабалиевна, к. филол. н.
Дагестанский государственный университет
darbishewa@mail.ru

МОДИФИКАЦИИ ЦЕЛЬНОБЛОЧНОГО ФОРМАТА В ДЕЛОВОМ ПИСЬМЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ©

Исследуя деловые письма, нельзя не обращать внимания на некоторые расхождения между разными образцами. Исключив неприемлемые образцы, т.е. те, в которых имеются погрешности в оформлении и ошибки в расположении основных смысловых составляющих (нарушения с точки зрения когерентности и когезии),